

**Авторы: Глазко С.П., студентка ГБПОУ РО «НГК»
Левакин А.С., к.и.н., преподаватель ГБПОУ РО «НГК»**

СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО КУЛАЧЕСТВА ЭПОХИ НЭПА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ

Столь известной, колоритной и влиятельной группе сельского населения Российской империи и Советской России (Советского Союза) доколхозной эпохи и времен коллективизации, как кулачество, посвящена обширная литература. О представителях данной корпорации примитивных деревенских предпринимателей, перекупщиков, ростовщиков много писали уже их современники, – представители власти, партийные функционеры, общественные деятели, публицисты, журналисты, писатели и поэты, которые никак не могли игнорировать мощную фигуру «мироеда», с упоением разрушавшего патриархальное устройство пореформенной деревни. Пристальное внимание кулакам уделяли и поколения историков, тщательно анализировавшие их социальный облик, политическую физиономию, особенности деятельности.

Вместе с тем, вплоть до наших дней в историографии кулачества сохраняются слабо или вовсе незаполненные лакуны, одной из которых является историческая повседневность «мироедов». В частности, в южно-российской историографии указанная тема практически не нашла отражения, несмотря на десятилетия научных исследований донского, кубанского, ставропольского, терского крестьянства и казачества. Принимая во внимание отмеченное обстоятельство, в рамках представленной публикации нами предпринята попытка осветить отдельные аспекты быта кулаков Юга России на таком переломном этапе истории нашей страны и, в частности, деревни, как эпохи нэпа, характеризующаяся сочетанием традиций и новаций. Попытаемся рассмотреть как общие и особенные черты повседневности кулаков в сравнении с основной массой сельского населения, так и динамику традиционных компонентов их быта и привнесенных советской эпохой новшеств.

Прежде чем освещать структурные компоненты повседневности россий-

ского кулачества эпохи нэпа, подчеркнем свое согласие с распространенной точкой зрения о том, что «в массе своей кулаки мало отличались по уровню культуры и быта от крестьян» [3, С. 1732]. Анализ источников позволяет уверенно говорить об отсутствии серьезных качественных бытовых различий между кулаками и основной массой земледельцев, свидетельствующих о существенном культурно-бытовом разрыве между ними. Вместе с тем, представители сельской буржуазии не зря получили прозвание «чумазые патриции», особенно распространенное в XIX в., но дожившее и до эпохи нэпа [4, С. 103]. Хотя эти «патриции» не строили себе каменных дворцов, подобно помещикам, и не были усыпаны драгоценностями, сколоченные ими капиталы предоставляли им возможность сделать условия своего проживания гораздо более комфортабельными, в сравнении с массой односельчан. В этом смысле, кулаки в лучшую сторону выделялись среди других групп сельского населения Российской империи и Советской России.

Начнем анализ бытовых условий южно-российского кулачества с жилья, ибо крыша над головой есть одно из важнейших условий жизнедеятельности любого человека. Как известно, основным типом жилых помещений в деревне Центральной и Северо-Западной России являлась рубленая из дерева изба, а в южно-российских селах, в связи с острейшим дефицитом строевого леса, вместо изб сооружались глинобитные или саманные хаты. Крыши этих строений покрывались, в зависимости от зажиточности хозяина, соломой, камышом, дранкой, черепицей или железом.

Как правило, кулаки Центра и Северо-Запада страны жили в тех же избах, что и их соседи, только более обширных и крытых дорогими материалами, обычно железом. Любопытно, что кулаки старались расположить жилье в гуще соседских домов с целью личной безопасности: например, А.Н. Энгельгардт писал, что «богатый мужик», которому «все должны» и потому ненавидят, «сам устроится посреди деревни, втесняясь между другими, потому что боится, как бы не спалили, если выстроится на краю деревни» [20, С. 288]. А вот кулаки и, вообще, богатеи на Юге России предпочитали использовать при строительстве

жилищ не глину как наиболее дешевый и распространенный в регионе материал, а гораздо более дорогие древесину, камень и кирпич. В частности, в начале XX в. на Нижнем Дону зажиточная верхушка крестьянства, к которой, безусловно, относились и кулаки, сооружала себе дома из кирпича, крыши которых покрывались железом либо черепицей [10, С. 41]. Так же поступали и богатые казаки. Например, краеведы из кубанской станицы Новоцербиновской отмечают, что определенная часть досоветского жилого фонда представлена здесь добротными кирпичными (или деревянными, но обложенными кирпичом) строениями [7, С. 42]. Советский военачальник из числа донских казаков Д.И. Рябышев вспоминал, что до революции верхушка казачества жила в срубленных «из добротного леса» куренях, крытых выкрашенным в зеленый или красный цвет железом [14, С. 6].

Кулаки доколхозной деревни, как и их предшественники в досоветскую эпоху, были не прочь продемонстрировать свое богатство постройкой хорошего дома. Так, известный советский писатель В.П. Ставский в конце 1920-х гг. живописал «каменные, под железной крышей дома» кубанских кулаков [16, С. 15].

Однако, подобные устремления кулачества существенно ограничивались классовой политикой большевиков, которые в эпоху нэпа еще не перешли к «ликвидации кулачества как класса», но зато последовательно осуществляли меры по «ограничению» данной социальной группы путем повышенного налогообложения, ограничения в гражданских правах (лишение права голосовать на выборах) и пр. В этих условиях, сооружение добротного кирпичного или каменного, крытого железом или черепицей, дома, вполне могло привести к тому, что владелец таких хором объявлялся представителями власти кулаком, облагался высоким налогами, лишался права голоса и т. п. Во всяком случае, южно-российские хлеборобы нередко злословили про владельца богатой новостройки, что «на предстоящих выборах его лишат голоса» [15, Ф. 17. Оп. 85. Д. 63. Л. 68] как обнаружившего свою принадлежность к кулацко-зажиточной верхушке села.

Принимая во внимание вышеотмеченную угрозу, немало кулаков, да и

просто более или менее состоятельных жителей доколхозной деревни, в том числе просоветски настроенных и даже состоявших в компартии, отказывались от замыслов отремонтировать уже имеющееся жильё или построить новый дом из дорогих, на тот момент, материалов, таких, как камень или кирпич. Очень хорошо подобные настроения передал сибирский писатель Петр Парфенов, в 1927 г. процитировавший в послании к советскому государственному деятелю Н. Осинскому (В.В. Оболенскому) высказывания крестьян: «я не могу выстроить себе новый дом и должен жить вот в такой согнувшейся халупе», «сколько лет собираюсь я покрыть свой дом железом, и железо есть, а разве это возможно, разве не запишут меня тогда сразу же в кулаки...?» [15, Л. 68]

В итоге, каменных и кирпичных, да и построенных из дорогого на Юге России дерева, сельских домов, в нашем регионе в 1920-х гг. было сравнительно немного. В середине 1920-х гг. заведующий Донского окружного земельного управления Я.И. Дицман констатировал, что такие капитальные строения составляли не более 3 % в сельском жилом фонде [15, Ф. р-2563. Оп. 1. Д. 69. Л. 28об]. Причем, ряд этих строений и в Донском округе, и в других округах Северо-Кавказского края, куда в рассматриваемый период входили Дон, Кубань, Ставрополье и Терек, был сооружен еще в досоветские времена.

Вне зависимости от того, из каких материалов, – дорогих и мало распространенных в южно-российской деревне (камень, кирпич, дерево) либо, напротив, дешевых и традиционных (глина, солома), – были выстроены жилища кулаков и зажиточных крестьян и казаков, их планировка и обустройство мало отличались от общепринятых стандартов. Здесь уместно обратиться к столь известному художественному произведению, как роман М.А. Шолохова «Поднятая целина», первая книга которого, как известно, была опубликована в 1932 г. и в которой не единожды действие переносится в курень Якова Лукича Островнова, характеризуемого станичниками как кулак. Планировка куреня была вполне обычной, включая в себя несколько небольших жилых комнат, кухню и большой зал, который зимой не отапливался и служил в качестве холодной кладовой [19, С. 93]. Можно упомянуть и другое известное художественное

произведение – написанную Н.Г. Смирновым в 1930 г. повесть «Джек Восьмеркин – американец». Когда Джек встречается с будущим своим злейшим врагом, кулаком Пал Палычем Скороходовым, тот приглашает его в свою избу, устроенную традиционно: «они прошли холодные сени, такие же, как во всех крестьянских избах», спали здесь на таких же, как у всех, лавках, и т. д. [17, С.63-65] Ссылаться на художественные произведения мы считаем вполне целесообразным, ибо таковые, будучи написаны современниками, отражали деревенскую действительность очень точно, а зачастую содержат в себе описания таких бытовых деталей, которые не встречаются в других источниках.

Однако, традиционализм планировки и обустройства кулацких жилищ не был тождествен аскетизму и не исключал целого ряда практикуемых сельской верхушкой новаций. Дома кулаков были намного более уютны и удобны для жизни, чем даже жилища середняков, поскольку сельские богатеи могли позволить себе потратить дополнительные деньги на свечи или керосин для наилучшего освещения (в том же «Джеке Восьмеркине» Н.Г. Смирнов писал, что комната в доме Скороходова, куда тот привел Джека, была «была хорошо освещена» [17, С.63-65]), на металлические кровати, стулья фабричной работы и пр. Например, в «Поднятой целине» перечисляется конфискованное у кулака Фрола Дамаскова имущество, среди которого «кровать железная с белыми шарами» (и «ишо две кровати деревянных»), «горка с посудой», «двенадцать стульев, одна длинная стула со спинкой» [19, С.93]. Располагая деньгами, кулаки или члены их семей могли купить на рынках даже столь диковинную для села вещь, как «граммофон с розовой трубой» [2, С. 130].

Модным в доколхозной деревне и, в том числе, у представителей кулацко-зажиточной верхушки сельского населения, было обклеивать стены обоями. В частности, в прессе сообщалось, что в Белоруссии земледельцы «стали очень охотно применять для оклейки стен обои», в связи с чем местные фабрики «начали выработку специальных дешёвых сортов обоев для крестьян» [11]. При этом, богачи нередко применяли для оклеивания стен обесценившиеся бумажные деньги, будь то дензнаки царских времен, Временного правительства, эпо-

хи «военного коммунизма» и т. д. Современники упоминали об этом настолько часто, что, по всей видимости, подобное явление было распространено повсеместно в самых разных регионах РСФСР (СССР).

Так, в одной из публикаций в журнале «Красная нива» в 1927 г. отмечалось, что вышедшие из употребления бумажные деньги встречаются «у любителей[,] филателистов, да в виде обоев... которыми оклеивались стены» [9, С. 11]. В уже цитировавшемся «Джеке Восьмеркине» есть сцена, где Скороходов показал «американцу» «мешок дензнаков» и сердито сказал: «во, брат, сколько накопил за военный коммунизм... И все пропало. Теперь хочу потолок деньгами оклеить» [17, С. 65]. Сходный сюжет есть в повести М.А. Дудина «Где наша не пропадала»: деревенский богач, родственник главного положительного героя, раздал накопленные им досоветские бумажные деньги детишкам и родне, после чего одна из его родственниц обклеила кредитками перегородку в кухне» [6, С. 30]. Впрочем, надо сказать, что обои сложно было крепить на стены глинобитных жилищ, в связи с чем таковые не нашли в южно-российских селах столь же широкого распространения, как в деревне других регионов РСФСР и СССР.

Опять-таки, ограничительная политика советской власти в отношении кулаков препятствовала последним очень уж стараться в обустройстве своего жилья. Как верно отмечает С.Д. Багдасарян, «на бытовом уровне критериями зажиточности и принадлежности к социальной группе кулаков считалось наличие не только добротного деревянного или кирпичного дома с черепичной либо железной крышей, но и соответствующей домашней обстановки. За такое привычное "богатство" зажиточная крестьянская семья вполне могла серьезно пострадать» [1, С.176], то есть, как уже отмечалось, подвергнуться лишению избирательных прав или повышенному налогообложению. Вышеупомянутый писатель Петр Парфенов указывал, что, иной раз, хлебробы объявлялись кулаками на основании таких признаков, как «еда на тарелках» и, в целом, «признаки крестьянской опрятности и достаточности» [15, Л. 371]. Он же цитировал горькое замечание одного из деревенских коммунистов о том, что ему «ставят на

вид на каждом почти собрании, что я купил себе граммофон, что я – буржуй» [15, Л. 368].

Парфенова, конечно можно обвинить в неточности или даже предвзятости и намеренном передергивании фактов. Но совершенно немислимо обвинять в этом столь важного советского политического и государственного деятеля, как А.И. Рыков, который на ноябрьском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б) рассказывал, что в сводке Народного комиссариата финансов «по поводу практики проведения с/х (сельскохозяйственной – *авт.*) налоговой кампании этого года» были указаны такие критерии причисления крестьянских хозяйств к верхушке кулачества, как «наличие нового дома», «изготовление и продажа односельчанам радиоприемников» (!) и т. п. Раскритиковав сложившуюся в советской доколхозной деревне практику «окулачивания» (он не представлял себе, что начнется всего лишь через год, когда стартует кампания по «ликвидации кулака как класса!»), Рыков заметил: «Я не знаю, покупают ли крестьяне граммофоны, но если их за владение швейной машинкой причисляют к кулакам, то за граммофон их, наверное, черт знает к чему причислят!» [8, С. 44-45]. Как видим, самоуправство и, так сказать, нормотворческая самодеятельность местных властей на фоне их вопиющей юридической безграмотности не только мешали кулакам шиковать на благоприобретенные капиталы, но и могли привести к «окулачиванию» какого угодно сельского жителя, опрометчиво решившего обставить свой домашний быт в соответствии с возможностями современности.

Пожалуй, в наибольшей мере кулаки выделялись среди односельчан своим костюмом. В пореформенную эпоху, когда культура и быт российского крестьянства испытали на себе сильнейшее влияние капиталистического города, когда в деревню хлынул поток товаров фабричного изготовления, сельский костюм зачастую изготавливался из покупных, сделанных на заводе, тканей либо включал в себя предметы, характерные для городской моды. Хотя, в силу присущего ему традиционализма, крестьянство являлось в досоветский период «хранителем национальных традиций в одежде» [12, С.114], удельный вес городской одежды и городских тканей в сельском быту неуклонно увеличивался.

Наибольшее распространение в российской пореформенной и советской доколхозной деревне приобрел мужской костюм, известный как «пара» или «тройка». «Пара» состояла из жилетки и штанов, которые обычно заправлялись в сапоги. Когда к «паре» добавлялся пиджак, она превращалась в «тройку» [12, С.116]. Разумеется, жилетка надевалась не на голое тело, а на рубаху-косоворотку, широко распространенную как в среде городского пролетариата, так и крестьянства. Рубаха могла быть самых разных расцветок, но особенно ценились яркие цвета, а безусловным лидером был кумачовый. На голове обычно носили картуз или кепку, хотя она могла быть и непокрытой.

Как пишет С.Д. Багдасарян, «в особенности, такой комплект одежды, как "пара" или "тройка", полюбился представителям зажиточной сельской верхушки. Пиджак, жилетка и штаны городского покроя стали настолько популярны среди деревенских богачей, что превратились в один из зримых социальных критериев принадлежности к элите» [1, С.76]. В справедливости этого замечания легко убедиться, для чего достаточно даже беглого обзора сохранившихся фотодокументов и разнообразных изображений кулаков. Как в досоветские времена, так и в эпоху нэп внешний вид кулаков практически не изменился: классический представитель данной социальной группы «выглядел как заплывший жиром громила в красной или цветастой рубахе с надетой поверх неё жилеткой, блестящих смазанных сапогах и с картузом на голове» [1, С.77]. Часто на обширном животе кулака можно заметить золотую цепочку, которая одним концом прикреплена к жилетке, а другой ее конец скрывается в небольшом кармашке той же жилетки: это была цепочка от карманных часов, представлявших собой предмет, недоступный подавляющему большинству сельских жителей.

Хотя в эпоху нэп изыскание качественных предметов одежды и материалов для ее изготовления представляло собой, зачастую, непростую задачу, капиталы кулаков предоставляли им дополнительные возможности. Современники свидетельствовали, что ткани в кооперации обычно покупает кулак, «так как у него всегда бывают деньги», а «бедняку попадает редко» [18, Л.4].

Итак, структуры исторической повседневности кулачества советской (в том числе, южно-российской) доколхозной деревни, во-первых, были в основном идентичны повседневности крестьянства и, во-вторых, мало отличались от кулацкого быта досоветской эпохи. Вместе с тем, ограничительные меры советской власти привели к некоторому размыванию бытовых критериев кулачества, когда «мироеды» вынужденно маскировались под середняков, опасаясь выставить напоказ свои капиталы.

Список литературы:

1. Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск, 2015. – С. 176.
2. Богданов Н.В. Партия свободных ребят. М., 1963. – С. 130.
3. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 13. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1973.
4. Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани: краткий очерк. Репринтное воспроизведение издания 1924 г. – Краснодар, 2009.
5. Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. р-2563. Оп. 1. Д. 69. Л. 28об.
6. Дудин М.А. Где наша не пропадала. Л., 1967. – С. 30.
7. Игнатенко В.П. Исторические данные о станице Новошербиновской. Сказание о земле казачьей // О прошлом и настоящем. Альманах. 2007. Вып. 1. Ст. Новошербиновская, 2007. –С. 20; Алексеенко Г. Моя Новошербыневка // Там же. С. 42.
8. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928 – 1929 гг. В 5-ти томах. Т. 3. Пленум ЦК ВКП(б) 16 – 24 ноября 1928 г / Отв. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, А.Ю. Ватлин. – М., 2000. – С. 44 – 45.
9. Маллори Д. Имевшие хождение // Красная нива. – 1927. – № 49. – С. 11.
10. Миллер М.А. Очерк крестьянских построек в Приазовье // Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1 / Под ред. А.М. Ильина. Ростов н/Д., 1912. – С. 41.
11. Молодой ленинец (г. Москва). – 1926. – 17 марта.
12. Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР / Под ред. С.П. Толстова, Н.Н. Чебоксарова, К.В. Чистова. – М., 1968. – С. 114.
13. Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. С. 116.
14. Рябышев Д.И. Выросли мы в пламени. Воспоминания. Изд. 2-е, переработ. и доп. Ростов н/Д., 1979. – С. 6.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 63. Л. 68.
16. Ставский В.П. Станица. Кубанские очерки. М.-Л., 1929. – С. 15.
17. Смирнов Н.Г. Джек Восьмеркин – американец. Ярославль. 1990. –

С. 63 – 65.

Там же. С. 63.

Смирнов Н.Г. Указ. соч. – С. 65.

18. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 75. Оп. 1. Д. 109. Л. 4.

19. Шолохов М.А. Поднятая целина. М., 1960. – С. 93.

Шолохов М.А. Указ. соч. С. 93.

20. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872 – 1887. СПб., 1999. – С. 288.